

Научная статья

УДК 323.113

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-219-228

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСГУМАНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Татьяна Валериевна Плотникова^{1✉}, Елена Викторовна Волохова²

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹tatyana0918@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-8855-2066,
AuthorID РИНЦ: 409962, SPIN-код: 9736-6938

²volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID РИНЦ: 290507

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении основных принципов и фундаментальных особенностей трансгуманизма в современной философии, оценке его легитимации в сопряжении с традиционными практиками и теориями.

Методы исследования. Исследование основано на методологических критериях достоверности результатов анализа трансгуманизма, искомых в современном философском знании, а также на методологии, состоящей из эвристических процедур критики концепции трансгуманизма.

Результаты исследования. В статье утверждается, что континуистская стратегия, с помощью которой трансгуманисты стремятся узаконить свои тезисы, основана на поверхностном позитивизме, чрезмерно упрощающем последствия неизбежного использования технологий для улучшения человека. Статья посвящена критике технологий и идей в совершенствовании практик, непреднамеренные и неконтролируемые эффекты которых игнорировались трансгуманистами. В статье обсуждается критика имплицитной метафизики, антропологии и этики трансгуманизма.

Перспективы исследования. Результаты исследования могут быть использованы в междисциплинарной области, включающей вклад специалистов в области философии, права, политики, медицины, биологии. Дебаты о радикальном биоусовершенствовании создают широкую дисциплинарную сеть даже по этим стандартам.

Ключевые слова: трансгуманизм, критика трансгуманизма, современная философия, искусственный интеллект, нейросети

Для цитирования: Плотникова Т.В., Волохова Е.В. Концептуализация проблемы трансгуманизма в современном философском дискурсе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 219–228. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-219-228>.

Original article

CONCEPTUALIZATION OF THE PROBLEM OF TRANSHUMANISM IN MODERN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Tatiana V. Plotnikova^{1✉}, Elena V. Volokhova²

¹*Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

²*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

¹*tatyana0918@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-8855-2066,*

AuthorID RSCI: 409962, SPIN-code: 9736-6938

²*volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID RSCI: 290507*

Abstract. *The purpose of the study is to identify the basic principles and fundamental features of transhumanism in modern philosophy, to assess its legitimization in conjunction with traditional practices and theories.*

Research methods. *The research is based on methodological criteria for the reliability of the results of the analysis of transhumanism, sought in modern philosophical knowledge, as well as on a methodology consisting of heuristic procedures for criticizing the concept of transhumanism.*

The results of the study. *The article argues that the continuist strategy by which transhumanists seek to legitimize their theses is based on superficial positivism, which oversimplifies the consequences of the indiscriminate use of technology to improve people. The article is devoted to the criticism of technologies and ideas in improving practices, the unintended and uncontrolled effects of which were ignored by transhumanists. The article discusses the criticism of implicit metaphysics, anthropology and ethics of transhumanism.*

Research prospects. *The results of the research can be used in an interdisciplinary field, including contributions from specialists in philosophy, law, politics, medicine, and biology. The debate about radical improvement creates a broad disciplinary network even by these standards.*

Keywords: *transhumanism, criticism of transhumanism, modern philosophy, artificial intelligence, neural networks*

For citation: *Plotnikova T. V., Volokhova E. V. Conceptualization of the Problem of Transhumanism in Modern Philosophical Discourse // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 219–228. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-219-228>.*

Введение. В рамках философских дебатов о повсеместной важности оцифровки особая роль отводится так называемому «трансгуманизму». Он утверждает, что благодаря своим технологическим достижениям люди перерастают самих себя и могут коренным образом изменить свою природу. Однако статус трансгуманизма неясен: его можно рассматривать как философскую теорию, теорию Просвещения, а также как идеологию, размышления о будущем или форму научной фантастики.

Хотя трансгуманизм предлагает захватывающие возможности для улучшения человеческих способностей, важно учитывать потенциальные риски и непредвиденные последствия, которые могут возникнуть в результате. Одной из основных проблем является ответственный мировоззренческий и этический подход к новым технологиям.

В контексте перехода к культуре оптимизации и модернизации, а также к широкой цифровизации теория трансгуманизма приобретает особое значение. Но действитель-

но ли в этих социальных изменениях, которые глубоко затрагивают культурные и антропологические основы, можно увидеть признаки внутримирового трансчеловеческого спасения? Трансгуманизм как культурное движение и междисциплинарный исследовательский подход, направленный на глобальное улучшение человеческого бытия с помощью технологий, бросает вызов фундаментальным пограничным различиям — между природой и технологией, людьми и животными, людьми и машинами, личностями и вещами, а также между терапией и улучшением.

Методы. Методология исследования трансгуманизма зиждется на критическом методе, подразумевающем критический анализ генезиса и современного состояния феномена трансгуманизма. Особое место в методологии отводится системному и эволюционно-синергетическому подходам, которые выстраивают непреложный гносеологический фундамент для анализа многочисленных концепций и направлений трансгуманизма. Концепция трансгуманизма уходит корнями в различные духовные движения. От античных философий, таких как стоицизм, до ренессансной идеи улучшения человеческих способностей желание раздвинуть наши естественные границы пронизывало всю историю, но только с появлением современных технологий трансгуманизм как самостоятельное движение получил импульс.

Во все времена философы и провидцы размышляли о возможностях преодоления наших человеческих ограничений. От стоиков, стремившихся к внутреннему спокойствию и свободе от страданий, до мыслителей эпохи Возрождения, веривших в силу образования и самосовершенствования, идея расширения границ человеческого потенциала присутствовала всегда. Но только в середине XX века трансгуманизм начал формироваться как отдельная идеология. Такие мыслители, как Джулиан Хаксли, биолог и философ, и Роберт Эттингер, пионер крионики, выдвинули идею использования науки и технологий для расширения человеческого потенциала. Ее видение проложило путь к появлению трансгуманизма как отдельного движения в 1990-х годы, которое набрало обороты и вызвало споры о будущем человечества.

С быстрым развитием технологий возможности для совершенствования человека становятся все более реальными. От генной инженерии и нанотехнологий до искусственного интеллекта и виртуальной реальности — инструменты, которые помогут нам преодолеть наши биологические ограничения, находятся в пределах досягаемости. Теперь вопрос заключается не в том, должны ли мы принять трансгуманизм, а в том, как мы можем справиться с этическими, социальными и философскими последствиями этого дивного нового мира.

Искусственный интеллект (ИИ) играет центральную роль в трансгуманистическом видении мира. Сторонники утверждают, что усовершенствованные системы искусственного интеллекта могут улучшить когнитивные способности человека и сделать наши мыслительные процессы более быстрыми и эффективными. Однако в нашем стремлении к этому будущему, основанному на искусственном интеллекте, необходимо тщательно учитывать опасения по поводу способности ИИ превосходить человеческий интеллект и его потенциальных последствий. Концепция суперинтеллектуального ИИ, системы искусственного интеллекта, превосходящей человеческий интеллект и способности, поднимает этические вопросы о контроле, автономии и потенциальных рисках, связанных с созданием превосходного интеллекта.

Результаты. Для трансгуманистов переход к постчеловечеству представляет собой огромный разрыв, «историческую сингулярность» [3, с. 297–298]. Обычно это понимание приписывают Вернору Винджу. Его изложение этого существенно отличается от манеры изложения Рея Курцвейла, например, в его признании того, что для людей результат может быть довольно плохим. Физическое вымирание человеческой расы — одна из возможностей. И все же физическое вымирание, пожалуй, не самая страшная возможность [3]. Способности наших постчеловеческих, самооптимизирующихся преемников превзойдут наши собственные на порядки, сравнимые с пропастью между людьми и бактериями. Отсюда следует, что нынешнее человечество было бы также неспособно постичь постчеловеческий мир будущего,

как бактерии не способны постичь наш [3]. Виндж, со своей стороны, считает, что сингулярность может быть не такой уж непостижимой. Постчеловеческий мир «вполне может быть все еще понятен человеку с широким кругозором, у которого достаточно времени и желания учиться». Тем не менее он делает важную оговорку, что «могут быть вещи, которые наш разум недостаточно широк, чтобы охватить, идеи, части которых у нас недостаточно памяти, чтобы удержать; могут быть силы, способные думать быстрее, чем мы». Это, безусловно, предполагает фактическую непостижимость, пока люди смертны и ограничены, какими они являются в настоящее время [3].

Таким образом, хотя в ближайшей перспективе трансгуманисты довольствуются тем, что полагаются на технологии, позволяющие улучшить нашу жизнь способами, соответствующими нашим слишком человеческим желаниям, в долгосрочной перспективе необычайное благо, которого можно достичь путем преобразования самих себя и нашего мира, следует принимать более или менее на веру. Это может звучать обнадеживающе для тех, кто ожидает, что в ближайшие годы и десятилетия технический прогресс продолжит облегчать нашу участь без каких-либо последствий, радикально меняющий нашу природу. Для них достаточно знать, что мы неуклонно излечиваем все больше болезней или увеличиваем ВВП. С этой прагматической точки зрения склонность к размышлениям о далеких перспективах сделает любое обсуждение трансгуманистического радикализма безобидным (хотя и бесполезным) развлечением. Р. Курцвейл, напротив, утверждает, что «быть сингуляритарием — это вопрос не веры, а понимания» [16, с. 298]. Сингуляритарист понимает, что «наше предназначение сейчас — эволюционировать в обширный разум Сингулярности» [16]. Такие аргументы и их убедительная сила хорошо представлены также в работе Джоэлом Гарро [12].

На самом деле нет никакой гарантии, что какие-либо моральные соображения, сдерживающие современное технологическое развитие, будут иметь влияние в будущем, тем более, учитывая и без того мощные интеллектуальные тенденции, которые в пер-

вую очередь отрицают саму возможность рационального морального суждения [15]. Даже сегодня очевидны предупреждающие знаки; уже существует мощное и растущее сопротивление любым попыткам направлять и ограничивать науку и технологии «по моральным соображениям».

Трансгуманисты полностью усвоили урок Дж. Б. С. Халдейна о моральном значении технологического прогресса в его знаменитом эссе 1923 года «Дедал, или Наука и будущее». Ницшеанский урок Халдейна можно резюмировать просто: наука создает новые моральные порядки, поскольку расширяет наши способности к мышлению и действию, когда дело доходит до открытий и изобретений, то, что начинается как извращение, заканчивается как ритуал. Но наука также по своей сути разрушительна и для этих новых моральных порядков, всегда продвигаясь дальше, к какой-то новой возможности [13].

Этот аргумент вполне может оказаться неверным, но опровергнуть его далеко не так просто. Он также не слишком чужд релятивизму, который практически является моральной верой по умолчанию для очень многих образованных жителей Запада.

Этот релятивизм в союзе с коммерческими, военными и интеллектуальными силами, которые сегодня так эффективно управляют технологическим развитием, делает очень трудным сказать «нет» любой новой вещи. Итак, тот факт, что трансгуманисты открыто агитируют за вымирание и вытеснение нынешнего человеческого вида, может быть как раз тем, что может подстегнуть поиск ясности относительно реального значения «человеческого достоинства».

В остальном, как и ожидают трансгуманисты, на пути к постчеловечеству предстоит достичь стольких хороших и заманчивых результатов, включая более долгую, здоровую и состоятельную жизнь, наполненную немыслимыми возможностями и выбором, что, просто предоставив людям свободу поступать так, как им заблагорассудится, мы можем проложить путь к преобразованному человечеству, даже не имея прямого намерения [13].

Таким образом, критики утверждают, что стремление к совершенствованию че-

ловека с помощью технологий может усугубить социальное неравенство и создать пропасть между теми, кто может позволить себе улучшения, и теми, кто не может. Они поднимают законные вопросы о возможной утрате разнообразия и о том, как это повлияет на наше понимание человеческого бытия. Приведет ли стремление к совершенству и желание преодолеть наши биологические ограничения к созданию гомогенизированного общества, в котором различия больше не будут отмечаться?

Кроме того, этические последствия трансгуманизма выходят за рамки социального неравенства. Как и любая новая область, трансгуманизм сопряжен с рисками и непредвиденными последствиями, которые необходимо тщательно обдумать. Потенциальные риски для здоровья, связанные с изменением нашей биологии или слиянием с машинами, вызывают обеспокоенность по поводу долгосрочных последствий для отдельных людей и общества в целом.

Концепция слияния человеческого сознания с искусственным интеллектом, например, поднимает вопрос о сохранении индивидуальной идентичности. Потеряем ли мы чувство собственного достоинства и станем просто продолжением технологий? Как это повлияет на наши отношения, наше чувство автономии и нашу способность принимать этические решения?

Следует обозначить риски трансгуманистских процессов. Потенциальная потеря конфиденциальности, автономии и индивидуальности вызывает серьезные опасения. Становимся ли мы зависимыми от технологий до такой степени, что это влияет на нашу личную способность действовать? Как мы можем предотвратить эксплуатацию личности путем неправильного использования этих технологий?

Также необходимо тщательно учитывать непредвиденные последствия трансгуманизма. Учитывая экспоненциальный рост технологий, многие предсказывают, что однажды мы можем достичь точки, когда разница между человеком и машиной станет неразличимой. Это может привести к беспрецедентным достижениям в области человеческих способностей и глубоким изменениям в обществе.

Обсуждение. Основатель трансгуманизма Джулиан Хаксли определяет трансгуманизм едущим дискурсом современности, основанным на новых когнитивных и гносеологических системах, качественно новой антропологической идеологии [14].

В трансгуманизме многие видят антропологический поворот в культуре, который «привлекает к понятию стержневой человечности или общей существенной черты, в терминах которой человеческие существа могут быть определены и поняты» [17, с. 11–12]. Однако критическое осмысление сущности и природы человека реализуется в рамках философии Нового времени в рациональных и иррациональных концепциях Ф. Ницше [7], З. Фрейда [9], К. Маркса [6], в постмодернизме Ж. Бодрийера [2], Ж.-Ф. Лиотара [5], Р. Барта [1], М. Фуко [10] и Ж. Дерриды [4].

На протяжении всей истории всегда были провидцы и пионеры, которые проложили путь к трансгуманизму. От знаменитого футуриста Рэя Курцвейла [17] до биохакера Джозайи Зайнера [20] — эти люди внесли свой вклад в развитие и распространение трансгуманистических идей. Ее работа служит источником вдохновения для всех, кто стремится раздвинуть границы человеческого потенциала.

Концепция техно-трансгуманизма была разработана американским инженером и изобретателем Рэем Курцвейлом. Его книга «Сингулярность близка» [16] носит показательный подзаголовок: «Когда люди выходят за рамки биологии». Понятие сингулярности актуально в том смысле, что оно указывает на перспективу будущего, в котором благодаря технологическому экспоненциальному росту достигается состояние такой мощности и плотности интеллекта, что возникают новые явления, которые глубоко революционизируют нашу жизнь и природу.

Важно отметить, что сингулярность, которую Курцвейл устанавливает примерно в 2100 году, обозначает состояние слияния биологической и технологической эволюции: «Не будет никакого различия, пост-сингулярности, между человеком и машиной или между физической и виртуальной реальностью» [16, с. 94]. Через сингулярность мы выходим за пределы границ наших биологических тел и мозга: «Мы обречены на власть над своими

судьбами. Наша смертность будет в наших собственных руках» [17, с. 168–169].

Р. Курцвейл разрабатывает эволюционную теорию, которая помещает биологическую и технологическую эволюцию в прогрессивный континуум. Его телеологическая техноистория состоит из шести сменяющих друг друга эпох, которые можно описать как эволюцию все более сложной информации: «Это эволюция паттернов, которая составляет окончательную историю нашего мира» [17, с. 175]. В первую эпоху развивались физические частицы, во вторую — ДНК, в третью — мозг, в четвертом — технология.

Согласно Р. Курцвейлу, в пятую, все еще будущую эпоху технологии и биология сливаются воедино, поскольку технологии могут искусственно воссоздавать биологию. В шестую и последнюю эпоху человеческий разум распространяется по всей Вселенной, поскольку он больше не привязан к биологическим конечным телам, а в принципе может быть распространен на всю материю и энергию. Эта мысль о том, что человеческий интеллект и идентичность могут быть отделены от индивидуального биологического тела, не нова. Ключевым моментом в телеологической истории Курцвейла является то, что ее можно понимать как форму радикальной человеческой автономии, потому что здесь человек определяет не только свою волю, независимую от естественных влияний (как у Р. Декарта и И. Канта), но и свое физическое существование, эволюцию и будущее. Технология и человек больше не противостоят друг другу в сингулярности, как инструмент и пользователь, а скорее, сливаются воедино. Люди все больше и больше становятся своей собственной технологией, созданной перфекционистами.

Техника становится измерением человека, которое приходит к самому себе в сингулярности, тем самым все больше стирая разницу между человеком и техникой. Однако техно-нормативность Курцвейла проблематична с этической точки зрения в том смысле, что в ней не обсуждается возможность того, что технологические разработки также могут повлечь за собой негативные последствия. Кроме того, возникает вопрос, не является ли трансгуманизм технологическим инструмен-

том, превращающим человека в простой объект технологической эволюции.

Можно подумать о четырех отношениях, в которых люди относятся к технике:

1) тезис о конвергенции (= о трансгуманизме): человек и машина сливаются в сингулярности; человек сам определяет свою судьбу с помощью технологий;

2) тезис об инструментальности: машины — это всего лишь вспомогательные средства человека: человек управляет техникой. Противоречит тот факт, что новые медиа больше не являются простыми инструментами, направленными только на одну цель;

3) тезис взаимодействия: человек и машина взаимодействуют и вмешиваются (например, через «Интернет вещей» и искусственный интеллект); тезис о расширении: машины расширяют возможности человека с помощью виртуальных реальностей.

Таким образом, началась тотальная мобилизация разума, которую Эрнст Юнгер предсказывал почти сто лет назад. Самотехнизация *homo faber* кажется неудержимой [11].

Развитие суперинтеллектуализма может привести к новой эре технологического империализма, в которой эти корпорации будут определять судьбу человечества, поэтому важно, чтобы в развитии суперинтеллекта участвовали различные заинтересованные стороны, в том числе правительства, высшие учебные заведения и организации гражданского общества. Кроме того, развитие суперинтеллекта поднимает важные этические вопросы. Например, как мы можем гарантировать, что эти машины соответствуют человеческим ценностям и целям? Как мы можем предотвратить их причинение вреда людям? Это сложные вопросы, требующие тщательного рассмотрения и взвешивания.

Суперинтеллект может значительно ускорить темпы научных открытий за счет обработки огромных объемов данных и установления сложных взаимосвязей, которые могут ускользнуть от людей. Это может привести к прорывам в таких областях, как медицина, энергетика и освоение космоса. Например, суперинтеллект может анализировать огромные объемы медицинских данных, чтобы выявлять закономерности и варианты лечения заболеваний, которые, возможно, не смогли бы обнаружить одни люди. Это может при-

вести к более эффективным методам лечения и лечению болезней, которые преследовали человечество на протяжении веков.

Суперинтеллект может предложить решения сложных глобальных проблем, таких как изменение климата, бедность и болезни. Анализируя огромные объемы данных и устанавливая связи, которые могут ускользнуть от экспертов-людей, суперинтеллект может помочь нам разработать эффективные решения, которые на сегодняшний день невозможны.

В то время как великие умы эпохи Возрождения думали в первую очередь о раскрытии бесконечного потенциала посредством образования, заложенного в конечном человеке, трансгуманисты стремятся преодолеть ограниченность человека и таким образом создать новый тип человека — «посмертное состояние», как формулирует Макс Мор [18]. Согласно его определению, «трансгуманизм разделяет многие аспекты гуманизма, в том числе уважение к разуму и науке, приверженность прогрессу и признание ценности человеческого (или трансчеловеческого) существования в этой жизни» [18, с. 112].

Виктор Франкл писал: «Мы должны осознать, что мы конечны, чтобы наконец-то начать жить» [8, с. 201]. Наша жизненная сила основана на конечном. Неопределенность между полюсами: сознание и забвение, рождение и смерть, бытие и небытие, конечное тело и бесконечный дух — это то, что придает жизни ее очарование и интенсивность. Именно в ней зиждется наша человечность. Нам нужен предел смерти, чтобы иметь возможность безгранично любить и мыслить. Тем не менее трансгуманисты не понимают именно этого. Вот почему они производят призраков, а не богов.

Философские возражения против трансгуманизма в конечном счете имеют приоритет над научными. Но философские и научные аргументы взаимосвязаны и в некоторых отношениях взаимно усиливают друг друга. С философской точки зрения утилитарный подход к радикальному биоусовершенствованию глубоко проблематичен. Но сторонники утилитаризма также должны отвергать трансгуманизм: утилитаристы обычно тесно связывают наши моральные обязательства с мерами, которые наука и технология,

как считается, делают доступными в данное время; поскольку наука и технология сильно подрывают трансгуманизм, моральных обязательств, основанных на них, существовать не может.

Способствуя технологизации человеческого вида, трансгуманизм стал культурным явлением, выражающим Дух времени нашего технологического века. Технопрогрессивная программа не стремится преодолеть человеческие ограничения, справляясь с трагической природой жизни в нищезанятном смысле, а просто продвигает нигилистическую мечту «нового человека» Заратустры об установлении всеобщего счастья путем искоренения дионисийской реальности всего сущего.

Трансгуманизм отличается от традиционного гуманизма тем, что не знает никаких ценностей, кроме прогресса ради прогресса. Не случайно сотни трактатов о достоинстве человека появились в эпоху Возрождения, «*de dignitate homini*» было стандартным названием целой эпохи. Тем не менее ни один трансгуманист больше не спрашивает о достоинстве человека. Напротив, нетехнологически продвинутый человек уже утратил для него свое достоинство, нет ничего, что могло бы занять их место, кроме бессмертия.

И именно здесь трансгуманизм показывает свое лицо: он обещает человеку именно то, что лишает его антропологической сущности: безграничность, бессмертие, бесконечность. Если бы совершенствование человека действительно привело к этому, то это был бы конец современного человека как конечного существа, того, что мы смертны и несовершенны.

В результате критики трансгуманизма во второй половине XX века в литературе, кино, политике, антропологии, в социальном дискурсе и исследованиях технологий господство универсального человека было поставлено под сомнение и разобрано с философской точки зрения.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что будущее человечества часто рассматривается как тема для досужих спекуляций.

Таким образом, следует проанализировать, как трансгуманизм стремится достичь трансцендентности с помощью технологий

и как он концептуализирует трансцендентность в технологических категориях. Это показывает, что трансгуманистический дискурс изобилует напряженностью и даже противоречиями из-за разницы между «горизонтальной» трансцендентностью и «вертикальной» трансцендентностью: в то время как первая направлена на «улучшение» человечества с целью преодоления его биологических пределов, вторая направлена на то, чтобы сделать человечество устаревшим.

Заключение. Приведенный выше обзор трансгуманизма указывает на то, что проводить философский анализ трансгуманизма является затруднительным: трансгуманизм — не просто теоретическая концепция, это то, что уже применяется на практике. Различные приложения в реальном мире демонстрируют потенциал слияния человека и технологий. Заявленная цель многих трансгуманистов — это «сингулярность», слияние человека и машины. В философии сингулярность — момент, когда машины достигают такой степени, что превосходят людей и в некотором смысле образуют острие эволюции.

Таким образом, следует отметить, что хотя трансгуманизм как социально-интеллектуальное движение является маргинальным, трансгуманистический дискурс поднимает важнейшие вопросы о смысле бытия человека в современной технокультуре.

Список источников

1. Барт Р. Как жить вместе: романические симуляции некоторых пространств повседневности. М.: Ad Marginem, 2016. 272 с.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 318 с.
3. Виндж В. О сингулярности [Электронный ресурс]. URL: www.mindstalk.net/vinge/vinge-sing.html (дата обращения: 15.02.2024).
4. Деррида Ж. Глобализация. Мир. Космополитизм // Космополис. 2004. №2(8). С. 125–140.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетейя, СПб., 1998. 489 с.
6. Маркс К. Критика Готской программы // Политология: хрестоматия. М.: Гардарики, 2000. С. 843.

7. Ницше Ф. Полное собр. соч.: в 13 тт. Ин-т философии РАН. М.: Культурная революция, 2005–2014.

8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 2022. 366 с.

9. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 1997. 418 с.

10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2019. 500 с.

11. Юнгер Э. Смена гештальта. Прогноз на XXI век. М.: Циолковский, 2018. 372 с.

12. Garro's Joela Radical Evolution: The Prospects and Dangers of Improving Our Minds, our Bodies, and what it means to be Human. New York: Doubleday, 2005. 344 p.

13. Haldane J.B.S. Daedalus, or Science and the Future / In Krishna R. Dronamraju ed. Haldane's Revision of Daedalus, Oxford University Press, 1995. Pp. 23–50.

14. Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. 340 p.

15. Khan J. Technology and Responsibility: Reflections on new ethical challenges / Philosophical Essays: From an Ancient Creed to a Technological Man. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 374 p.

16. Kurzweil R. The Singularity Is Near. New York: Doubleday, 2005. 413 p.

17. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 298 p.

18. More M. Transhumanism: Towards a Futurist Philosophy. London: John Wiley & Sons Limited, 2013.

19. Soper K. Humanism and Anti-Humanism. Chicago: Open Court Publishing Co, 2000. 164 p.

20. Zayner J. Do-it-yourself from scientific paper to covid-19 DNA vaccine playlist. Archived from the original on November 28, 2020. 374 p.

References

1. Bart R. Kak zhit' vmeste: romanicheskie simuljaccii nekotoryh prostranstv povsednevnosti [How to live together: romantic simulations of some spaces of everyday life]. Moscow: Ad Marginem, 2016. 272 p. (In Russ.).
2. Bodrijar Zh. Soblazn [Temptation]. Moscow: Ad Marginem, 2000. 318 p. (In Russ.).

3. Vindzh V. O singuljarnosti [About the singularity] [Elektronnyj resurs]. URL: www.mindstalk.net/vinge/vinge-sing.html (data obrashhenija: 15.02.2024). (In Russ.).
4. Derrida Zh. Globalizacija. Mir. Kosmopolitizm [Globalization. The world. Cosmopolitanism]. *Kosmopolis* [*Cosmopolis*]. 2004; 2(8): 125–140. (In Russ.).
5. Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna [The state of postmodernity]. Moscow: Aletejja, Saint Petersburg, 1998. 489 p. (In Russ.).
6. Marks K. Kritika Gotskoj programmy [Criticism of the Gothic program]. Politologija: hrestomatija [Political Science: a textbook]. Moscow: Gardariki, 2000. P. 843. (In Russ.).
7. Nicshe F. Polnoe sobr. soch.: v 13 tt. [Complete collection of works: in 13 volumes]. In: filozofii RAN. Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2005–2014. (In Russ.).
8. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Man in search of meaning]. Moscow: Progress, 2022. 366 p. (In Russ.).
9. Frejd Z. Psihologija mass i analiz chelovecheskogo Ja [The psychology of the masses and the analysis of the human Self]. Psihoanaliticheskie jetjudy [Psychoanalytic studies]. Minsk: Popurri, 1997. 418 p. (In Russ.).
10. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my [To supervise and punish. The birth of a prison]. Moscow: Ad Marginem, 2019. 500 p. (In Russ.).
11. Junger Je. Smena geshtal'ta. Prognoz na XXI vek [The change of gestalt. Forecast for the XXI century]. Moscow: Ciolkovskij, 2018. 372 p. (In Russ.).
12. Garro's Joela Radical Evolution: The Prospects and Dangers of Improving Our Minds, our Bodies, and what it means to be Human. New York: Doubleday, 2005. 344 p.
13. Haldane J.B.S. Daedalus, or Science and the Future. In Krishna R. Dronamraju ed. Haldane's Revision of Daedalus, Oxford University Press, 1995. Pp. 23–50.
14. Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. 340 p.
15. Khan J. Technology and Responsibility: Reflections on new ethical challenges / Philosophical Essays: From an Ancient Creed to a Technological Man. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 374 p.
16. Kurzweil R. The Singularity Is Near. New York: Doubleday, 2005. 413 p.
17. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 298 p.
18. More M. Transhumanism: Towards a Futurist Philosophy. London: John Wiley & Sons Limited, 2013.
19. Soper K. Humanism and Anti-Humanism. Chicago: Open Court Publishing Co, 2000. 164 p.
20. Zayner J. Do-it-yourself from scientific paper to covid-19 DNA vaccine playlist. Archived from the original on November 28, 2020. 374 p.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted on 16.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 04.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Плотникова Татьяна Валериевна — доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и культурология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Специалист в области социальной и политической философии, проблем трансформации социального поведения, поведенческих парадигм и моделей политической практики. Сфера научных интересов включает исследование социокультурных факторов национальной и цивилизационной идентичности, проблемы развития креативности в социуме, методологические аспекты когнитивной деятельности, философские аспекты развития научно-технической сферы общества в условиях глобализации.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Tatiana V. Plotnikova — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State University of Economics (RSUE). Specialist in social and political philosophy, problems of transformation of social behavior, behavioral paradigms and models of political practice. Research interests include the study of socio-cultural factors of national and civilizational identity, problems of creativity development in society, methodological aspects of cognitive activity, and philosophical aspects of the development of the scientific and technical sphere of society in the context of globalization.

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Волохова Елена Викторовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Юриспруденция», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Elena V. Volokhova — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.